

Симонов Константин

- Среди мифов и слухов о Валентине Серовой - ее таинственная смерть...

- Я вам расскажу. Когда мама умерла... Я уже вышла замуж и жила с мужем отдельно. Мама лежала сутки в запертой квартире, пока не появилась ее приятельница, тетя Лиля, у которой был второй ключ, и не открыла дверь: мама лежала на кухне, у нее было разбитое лицо, на полу валялась чашка. Думали даже, что это убийство. Я когда пришла, не узнала квартиры: ни мебели, ни посуды, ни картин, ни Фалька, ни Петрова-Волкина, голые стены. Что-то было продано, что-то утащено. Пустой дом. Я до сих пор помню этот запах пыльных книг, вина, папирос, театрального грима... Следователь спросил меня: «А где архив?» Я говорю: «Какой архив?» Он говорит: «Ну, какие-то бумаги?» Я говорю: «Ничего нет». Я не могла и не хотела сказать ему. Потом я взяла четыре пакета с бумагами, они у нее в таких крафтовых пакетах кранились, и унесла.

- Трудно было сестре разбираться?

- Трудно. Очень. Я долго не могла взяться. Но потом я все прочла. Я ходила все время как сомнамбула. Под впечатлением от прочитанных писем: его - ей.

- Мама, а мама давала вам читать эти письма?

- Нет. Но она говорила: если со мной что-то случится, они там. Ей важно было, чтоб они сохранились. А потом приехал папин секретарь Марк Келлерман. «Маш, папа просит, чтоб все эти бумаги ты отдала ему». Я говорю: «Папа просит? А сам он не может попросить?» Он уже лежал в больнице, и я пришла к нему в больницу. Я попыталась поспорить. Но это было невозможно. И тогда я села снимать ксерокопии. То есть какие ксерокопии - просто стала переписывать письма, муж помогал...

- Вы боялись, что Константин Михайлович уничтожит их?

- Да. Так и произошло. Когда я приехала в следующий раз, я его не узнала. У него как будто постарело лицо, опустились плечи. Он сказал: «Я говорил тебе, что уничтожу письма. Я уничтожу их». И в глазах такое страдание! Я поняла, что он снова пережил прошлое. «Прости меня, девочка», - сказал он, - но то, что было у меня с твоей матерью, было самым большим счастьем в моей жизни... и самым большим горем». Его можно понять...

Входивший в моду поэт Константин Симонов увидел восходящую звезду советского кинематографа Валентину Серову, необыкновенную, нежную, дерзкую, капризную, когда полюбил ее муж, блестящий летчик, Герой Советского Союза, участник боев в Испании, Анатолий Серов. Симонов влюбился сразу. Серова - нет. Он добивался ее любви. Он убеждал, что она его полюбит. Что он заслужит эту любовь. Кажется, так и случилось.

Одно из писем Симонова к Серовой, сохранных дочерью: «Я счастлив, что исполняется сейчас когда ты меня любишь (как хорошо писать и выговаривать это слово которого я так долго и упрямо ждал) то о чем я тебе самонадеянно и тоже упрямо говорил давно кажется сто лет назад, когда был Центральный телеграф и несостоявшиеся Аравии и когда ты меня не любила и может быть правильно делала - потому что без этого не было бы может быть той трудной, отчаянной, горькой и счастливой нашей жизни этих пяти лет». Февраль 46-го, Токио. Почти без запятой. Он всегда писал без запятой, словно не желая тратить время на пустяки, устремляясь только вперед.

За счастьем последовало горе. Валентина Серова, уже будучи женой Симонова, полюбила еще одного блестящего человека, будущего маршала Константина Рокоссовского. Будущий маршал полюбил ее. Они не нашли в себе сил поменять судьбу и соединить жизни. Серова сломалась. Видимо, в алкоголе искала утешения.

- Вы, конечно, не успели переписать все письма...

- Нет, я переписала штук 20. Всего было, может, 150-200 листов. Там еще были рисунки, открытки, записочки мне. Мама все хранила. Я пыталась переписать самые сильные письма. Но я вам расскажу, что было с ними дальше. Володя Медведев, очень хороший художник, иллюстратор, когда была задумана книга из серии «Самые мои стихи», хотел сделать так: поэт и его муза. Потом это трансформировалось, решили: поэт и все его окружение. Но сначала, когда Володя просил меня помочь, я дала ему прочесть письма: не для публикации,

а просто чтоб он имел возможность почувствовать, что была для моего отца моя мама. А тут подоспело 80-летие отца, и Егор Яковлев попросил что-нибудь написать для его газеты. Я говорю: давайте я напишу о матери отца, моей бабушке, княжне Оболенской-Шаховской, из Института благородных девиц. И написала, объяснив, как Кирилл стал Константином.

- А как он стал?

- Он маленьким случайно чиркнул бритвой по языку, после чего не смог произносить твердо «р» и «л», отсюда знаменитая симоновская картавость. И отсюда же перенос имени. А дальше мне

«Здравствуй, Машка, здравствуй, дочка! Получил твои листочки получил тире и точки и косые буковки, похожие на луковки...»

Маша - Марья Кирилловна Симонова, тоненькая обаятельная женщина. Это ей адресовано стихотворное письмо отца, знаменитого поэта Константина Симонова. Ее мать - знаменитая актриса Валентина Серова.

Дочь двух легенд, Маша Симонова, сегодня меж двух огней. Она понимает, что отношения Серовой и Симонова, ставшие известными благодаря потрясающему поэтическому циклу «С тобой и без тебя», невозможно для сталинских времен откровению, уже никогда не будут личным делом только этих двоих. И ее больно бьет не деликатность журналистов, когда они грубо лезут в самый трагический роман века. «Их, интерпретаторов, создателей живых легенд, никто не может одернуть - заступников просто уже нет в живых», - написала она в письме в редакцию.

Заступники, по счастью, есть. Она сама, Маша, такая заступница.

Комс. правды, - 1998. - 19 февр. - с 3

«Валька! Уезжаю на передовые, а сейчас как будто яростно ласкаю тебя до боли, до счастья...»

Дочь Константина Симонова - об одном из самых трагических романов XX века

И все-таки они были счастливы (Валентина Серова и Константин Симонов).

звонит Володя Медведев и говорит: «Ты не возражаешь, если Егор возьмет несколько записочек твоего отца к тебе, чтобы поставить рядом с твоей заметкой?» Ну конечно, я не возражала. А потом последовал еще один звонок, когда изменить что-либо было поздно. Володя сказал: «Ты уже уехала в ЦДЛ на празднование юбилея, а Егор заставил меня отдать ему письма и сказал, что все берет на себя...». Я обомлела. На следующий день я прихожу на работу в Фонд гласности, Алеша Симонов, мой брат, на меня не смотрит. Я говорю: «Алеш, ты что?» А он говорит: «А ты что? Ты «Общую газету» не читала, ты же обещала не публиковать!» И показывает мне шесть напечатанных писем. Он месяц со мной не разговаривал. И я его понимаю. Я бы тоже со мной не разговаривала. Но в глубине души я себя утешала тем, что, может быть, мама была бы довольна. Не самой публикацией. А тем, что теперь понятно: она была ему другом. Даже не то, что любовницей - а другом. Она этим очень дорожила. Он обсуждал с ней все. Она не правила ему строчки стихов, но всегда что-то замечала, а он говорил: «Поставь там галку». И смотрел потом, и поправлял. Мама знала все его стихи наизусть. Может быть, я переступила его волю, но я так сделала. Потому что для меня важнее всего как для дочери не то, какой он был писатель и поэт, а то, какой он на самом деле был человек.

Май 1945 года. Берлин. За два дня до объявления окончания войны: «Мы так можем много доставить счастья друг другу когда мы прижаты друг к другу, когда мы вместе, когда ты моя, что коимство не делать это без конца и без счета. Ох как я отчаянно тосковал по тебе и с какой тоской и радостью я вспоминаю твою тело. Я тебя люблю Валька, и мне сегодня ничего не хочется тебе писать больше. Сейчас еще рано - чуть рассветло, уезжаю на два дня

на передовые <...> - а сейчас как будто держу тебя в руках и яростно ласкаю тебя до боли до счастья до конца и не желаю говорить ни о чем другом - понимаешь ты меня моя желанная, моя нужная до скрежета зубного...»

Как чисто и сильно выражена страсть. Как много настоящего, мужского, человеческого открывают эти строки в том, кому они принадлежат. Дело двоих. Это так. И жест Симонова, жгущего листки, на которых это написано, благороден и понятен.

Но то, что они - вопреки огню - остались... Ничего не бывает случайно. Любовь побуждает не только смерть. Она выжигает дрань, сплетни, злобословие.

- Маша, вас больше всего оскорбило появление вот этой эпиграммы, а скорее, эпиграммы, «...моя и многих верная жена», якобы написанная Симоновым?

- Да. Зная отца, я ни еди-

лись в 1957-м. Он стал человеком власти, понимавшим и принимавшим власть более, чем следовало бы, как мне кажется, и это тоже не могло на нем не сказаться. А потом... Ну, отдать ребенка в чужие руки, запретить матери его видеть...

- Вас отдали бабушке, маминной маме, актрисе Клавдии Михайловне Половиковой?

- Да. И там была совсем другая атмосфера. У мамы полная искренность и честность. Я даже думаю иногда, ну будь она хоть чуточку похитрее! Но она была такая, как есть. И в этом ее талант. А у бабушки и обман поощрялся, и ложь, даже воровство... Да, вот так. Настаивали на том, что мама больна, поэтому ей нельзя доверять ребенка...

Маша унаследовала искренность матери.

В набросках к будущей книге Маша пишет: «...полно мути, тепло и нежность, лучистые глаза на уже немолодом

когда ей удавалось гасить свою боль-болезнь, когда мы дружили, она строила планы и - очень редко и скупно - вспоминала...».

Симонов разлюбил Серову враз, резко, так же, как полюбил. Разлюбив, развелся, снял все посвящения ей. Только оставил «В.С.» над стихотворением «Жди меня», которое знал наизусть весь советский народ. Серова этого не ожидала. Привыкнув к его любви, как будто даже и не очень нужной ей, растерялась, оставшись одна. Что имеем - не храним, потерявши - плачем. Лиля, звонила подружкам.

Из воспоминаний актрисы Инны Макаровой: «Мне кажется, я все еще слышу в трубке ее возбужденный открытый голос. Она сдерживается из-за всех сил и говорит с хладнокровным отчаянием пьяного человека, пытающегося сохранить невозмутимость, не взорваться потоком слез или проклятий. Похоже, она все еще пытается что-то доказать. Кому? Мне, себе, ему?..»

- Почему же Константин Михайлович вас к себе не брал, в свою семью?

- Как-то раз я спросила, почему. Он ответил, что, когда завел этот разговор, Лариса Жадова, его жена, сказала: «Ты можешь поручиться, что Валя у нас не появится?» «Я поручиться не смог», - сказал он. - И больше этот разговор не возобновлялся. У них было две девочки: их общала дочь и дочь Ларисы от брака с поэтом Семеном Гудзенко, они оберегали девочку от дурного влияния. Ларису тоже можно понять...

- Вы, Маша, всех понимаете... А где мама похоронена?

- На Головинском кладбище. Прах отца развеян в Белоруссии под Могилевом, на Буйническом поле. Он описал это поле в романе «Живые и мертвые».

- Вы ездили туда?

- Мы все ездили, и брат Алеша, и сестры.

- Теперь со сводными сестрами дружите?

- Да. Вот все вместе смотрели бюст Константина Михайловича, который сделала

Марья Симонова.

знаю, удастся ли выкупить, большие деньги, а их нет...

- Вы любили его?

- Я всегда его побаивалась. В школе на педсовет родителей вызывали - я его боялась, как огня. Он никогда не повышал голоса, но для меня это его закаменевшее лицо и тихое гассирующее «р»... Я готова была провалиться сквозь землю. Но другие вещи: честь, достоинство, благородство... я такого ни в ком не встречала. Знаете, я не верующий человек, хотя крещеный. Моя молитва - его стихи. Я молюсь его стихами.

- Необыкновенно. Необыкновенная жизнь. У вас имею в виду. Быть дочерью Серовой и Симонова!..

- Я просто была трусом. От трусости - не подойти, не спросить о чем-то, о чем теперь уже не спросишь... из страха вызвать раздражение. Он был закрытый, сухой человек. Только один раз в нем прорвалось, когда приехал в роддом, где я родила сына, Алешу, - огромные голубые глаза, блондин, а папа всегда хотел вот такую дочку. И вдруг я увидела моего отца, который для меня всегда как аршин проглотил, а тут такое счастливое лицо!..

- Маша, не ругайте себя. Оттого, что вы не узнали каких-то фактов. Есть нечто, что над фактами. И теперь с вами происходит гораздо более важная вещь, если вы молитесь стихами отца и не расстаетесь с образом матери. Говорят, что писателя надо судить по самому высокому, что он сделал. Но и человека стоит судить по самому высокому, по тому, что заложил в нем Господь. И эти сожженные письма - слава Богу, что вы их сохранили. Так надо было.

- Спасибо, что вы говорите мне это.

- Остальные письма вы не публиковали?

- Для меня еще звучит его голос, когда он решил забрать все и сжечь. Случайно получилось - да, а дальше...

- Что вы окончили, Маша?

- Областной педагогический. Я учителька. Но уже на четвертом курсе я была беременна. И так и осталась дома. Теперь сыну Алеше 25, он работает на НТВ. А я пошла работать к брату Алеше в Фонд защиты гласности. Его создал в 91-м году Егор Яковлев после Вильнюса, брат был его замом. Тогда, помните, была шумная история на первом канале телевидения, бунт против тогдашнего начальника Кравченко, когда ушли Татьяна Миткова, Дима Киселев и другие. А я работала в газете «Советская культура» в отделе политики. В связи с вильнюсскими событиями я принесла материалы на первую полосу, их отложили в сторону и стали ставить другие. Я сказала, что не подпишу полосы, и подала заявление об уходе. Алеша взял меня в Фонд. Меня в школе называли адвокатом...

- Вы знаете, что Елену Боннэр тоже называли в школе адвокатом?

- Да вы что!..

Маша показала мне тоненькую школьную тетрадку, в которой карандашом полудетским почерком Валентина Серова, одна, теряя буквы и строки, переписывала стихи Константина Симонова «День рождения», посвященные ей когда-то:

«Поздравляю тебя с днем рождения, - говорю как с ребенком: Пусть дышанье твоё и пенёк

и звонким...».

Ольга КУЧКИНА.

«Моя и многих верная жена...» - эту заросль о Валентине Серовой написал не отец. Я знаю, кто...